

ПОЛЬ ЛАФАРГ ДВЕ ЗАБЫТЫЕ СТАТЬИ ОБ АЛЬФОНСЕ ДОДЭ

Предисловие В. Гоффеншефера

АЛЬФОНС ДОДЭ В СВЕТЕ КРИТИКИ ЛАФАРГА

I

«Революционерам-социалистам, — писал Лафарг в своем известном памфлете «Право на лень», — приходится начать такую же борьбу, какую вели философы и памфлетисты буржуазии: они должны взять штурмом социальные теории и мораль капитализма, они должны уничтожить в голове класса, призванного к борьбе, предрассудки, воспитываемые в нем господствующим классом»¹.

Для того чтобы «взять штурмом теории и мораль капитализма», необходимо было вскрыть их сущность и их происхождение, показать историческое развитие идеологии буржуазии в связи с экономическим развитием последней. И для выявления процесса становления и эволюции частнособственнической идеологии Лафарг вторгается в самые разнообразные области. Охват исторического материала, привлекаемого им для этого, характеризуется его исследованиями о мифах и первобытной культуре, о происхождении собственности и связанных с ней понятий и этических норм, с одной стороны, и злободневными памфлетами, обширными исследованиями и публицистическими статьями — с другой.

В процессе вскрытия буржуазной идеологии Лафарг не мог пройти мимо такой важной, выразительной и действенной идеологической надстройки, как художественная литература. В одном из своих писем к Николаю-ону от 1885 г. он пишет: «Я уже давно изучаю проблему влияния экономических явлений общества не только на его политические движения, но и на развитие его литературной и философской мысли»².

Изучая влияние экономической эволюции буржуазии на ее идеологию, он уделяет особое внимание буржуазной литературе XIX в. — одному из ингредиентов «интеллектуального багажа господствующего класса». По его свидетельству, он начал работать над этой литературой в конце 60-х годов и, как мы уже об этом говорили³, пытался показать отражение в литературе тех этапов, которые прошло буржуазное общество, — от борьбы буржуазии с дворянством и завоевания ею политической гегемонии до расцвета промышленного капитализма и борьбы с организованным пролетариатом в последней четверти века.

Выступив на литературную арену в ту эпоху, когда в сознании современников еще живы были декларации романтиков и парнасцев о «беспристрастности» и «надсоциальности» искусства, Лафарг уделяет огромное внимание художнику как идеологу своего класса, конденсировавшему в себе самом и в своем творчестве специфические черты той социальной группы, идеологом которой он является. В отношении художников буржуазии он всюду доказывает, что как бы ни разнились формы проявления их идеологии, сущность этой идеологии остается все той же: она всегда отражает идеологию данной

группы буржуазии на данном этапе ее развития. Понятно, что особую остроту этот тезис имел в применении его Лафаргом к романтикам, отрекающимся от родства с буржуазией. Он доказывает это и по отношению к раннему романтизму, и по отношению к такому писателю, как Виктор Гюго.

Летом 1885 г., сидя в тюрьме Сент-Пелажи, Лафарг закончил свой памфлет «Легенда о Викторе Гюго». Опубликовать этот памфлет в том же году ему не удалось.

Написанный сейчас же после смерти Гюго, в обстановке, когда вся буржуазная критика — от консервативной до либеральной, простив ему «правые» и «левые» грехи, воспевала кумир либеральной буржуазии, памфлет Лафарта, разоблачающий буржуазную сущность «князя поэтов» и реакционность его «шарлатанских» либеральных деклараций, звучал исключительно остро и одиноко.

«У меня теперь нет вполне законченных статей, кроме статьи об общественной жизни Виктора Гюго, — пишет Лафарг Николаю-ону. — Но, — добавляет он при этом, — в ней слишком много политических и социальных нападок, и она поэтому не подойдет для вашего журнала»⁴.

Статья была опубликована лишь через три года в «Neue Zeit». Во французском журнале она появилась лишь через шесть лет после ее написания и через три года после того, как она уже появилась на немецком языке. Отдельным изданием на французском языке она вышла только через семнадцать (!) лет после ее написания.

Насколько остро звучал памфлет Лафарга, видно хотя бы из примечания к нему редакции «La Revue Socialiste», в котором в 1891 г. эта статья была напечатана.

«Оценка, данная в настоящей статье Виктору Гюго, принадлежит лично автору. «Revue Socialiste», где великий поэт имеет столько почитателей, не может взять на себя за нее ответственность. Это свободная критика, допускающая и свободное возражение на нее»⁵.

«Вежливая» редакция социалистического органа не заметила, что она отмежеввалась не только от Лафарга, но и от Маркса, который давал Гюго такую же оценку, как и его ученик. Но как бы то ни было «свободная критика», данная Лафаргом Гюго, не могла появиться из-за весьма «несвободных» условий ее опубликования. И первой опубликованной литературно-критической статьёй Лафарга явилась не эта статья, а гораздо менее острый этюд его об Альфонсе Додэ.

II

Этюд о «Сафо» был впервые напечатан (без подписи) в 1886 г. в органе французской рабочей партии «Le Socialiste», редактором которого Лафарг являлся. Одновременно он появился (на сей раз уже за подписью автора) в «Neue Zeit».

В 1885—1886 гг. Лафарг особенно углубленно работает над проблемами возникновения и эволюции буржуазной идеологии. В 1885 г. в «Revue Philosophique» печатается его исследование «Происхождение идей добра и справедливости», в 1886 г. в «Le Socialiste» — этюд «Эволюция морали»; там же появляется его большой памфлет «Религия капитала», в котором он с максимальным «цинизмом», приведшим впоследствии «деликатного» ренегата «Вандервельде и других товарищей» в великое возмущение⁶, показывает сущность буржуа и его идеологии. Этюд о «Сафо» является как бы литературно-критическим дополнением к «Религии капитала», ибо роман Додэ является живой иллюстрацией к имеющемуся в этом памфлете «Поучению куртизанки», этой, как говорит Лафарг, «красы капиталистической цивилизации».

В своем романе Додэ задел весьма щекотливую для буржуазной нравственности область — жизнь богомы, «жриц любви» и их содержателей, всего того, что казалось «безнравственным» лицемерному «добропорядочному» буржуа. Но это не был обычный бульварный роман, столь распространенный в то время. Сам Лафарг ставит грань между «Сафо» и подобного рода произведениями. Брошенные им вскользь слова о социальной функции дешевого авантюрно-детективного романа для времени их написания исключительны в смысле четкости и верности характеристики этих функций.

«Буржуазия, — говорит Лафарг, — поощряет развитие этой тупоумной и разлагающей литературы потому, что она овладевает народным сознанием, усыпляет его и, подробно политическим фокусам буржуазного радикализма, отвлекает народ от осознания своих подлинных классовых интересов».

Роман «Сафо» не был рассчитан на подобного рода воздействие. Этот роман более изыскан, и функции его характеризуются главным образом воздействием на сознание самого буржуа и на осознание им своих интересов, интересов частного собственника, в одной из наиболее интимных областей. Вот почему Лафарг обратил внимание на это казалось бы незначительное по своему социальному охвату и по своим художественным достоинствам произведение Додэ.

Роман «Сафо» пользовался большим успехом у буржуазного читателя и зрителя. Уже это одно должно было привлечь внимание Лафарга к произведению Додэ. «Литературное произведение, — говорит Лафарг в «Происхождении романтизма», — если даже оно лишено художественной ценности, приобретает высокую историческую ценность (т. е. ценность как характерный материал для исследования. — В. Г.), раз оно имело успех у читателей. Критик-материалист может изучать его с уверенностью, что уловит на его страницах действительные впечатления и переживания современников»⁷. Что касается автора подобного произведения, то Лафарг говорит, что «всякий писатель, которого окружает ореолом славы всеобщее поклонение, — совершенно независимо от его литературных достоинств и недостатков, — уже тем самым приобретает большое историческое значение, становится тем, что Эмерсон называл representative (представительным человеком) класса или эпохи»⁸.

Роман Додэ явился именно такого рода произведением, а сам Додэ — «репрезентативным типом», представляющим типические черты своего класса и своей эпохи. Рассказывая в связи с сюжетом «Сафо» о любовных нравах буржуазии, базирующихся на основах купли, продажи и выгоды, Лафарг указывает на то, что Додэ, претендуя на психологическую смелость, все же «не решался вскрыть череп буржуа и грубо выставить напоказ его идеал любовницы, прежде всего уже потому, что он сам слишком глубоко буржуазен, для того, чтобы выводить этот идеал, — который в сущности является и его собственным идеалом, — не смягчая краски».

Но несмотря на то, что Додэ смягчал краски и не ставил точки над и, он объективно отразил свой (и своего класса) идеал «наиболее выгодной» любовницы. Если Додэ не дерзал «вскрыть череп» буржуа, то это сделал Лафарг, «вкрыв череп» самого Додэ как «репрезентативного типа», представляющего тяготеющую к спокойной жизни, к «выгодной» любви и к более или менее постоянному и покойному любовному счастью группу средней буржуазии. И по тенденциям, проявленным в характеристике автором действий героев, Лафарг устанавливает в идеологии Додэ идеологию самого обычного буржуа, который, в отличие от умевшего жертвовать собой во имя любви средневекового дворянина, является «эгоистическим животным», даже не представляющим себе, чтобы его частнособственнические интересы могли быть нарушены.

Но всем этим не исчерпывается однако интерес этюда Лафарга о «Сафо». Исследуя художественное произведение. Лафарг брал его как единое целое, пытаясь уяснить его социальную сущность во всех его компонентах. В своих работах о романтизме он уделял большое внимание вопросам социологии языка и образов. В этюде о «Сафо» мы наблюдаем интересный подход Лафарга к тому, что можно было бы назвать социологией сюжета.

Проблема социологии сюжета — одна из важных проблем, которой Лафарг уделял большое внимание в своих работах по мифологии, фольклористике и литературе. Он вел борьбу с теми исследователями, которые пытались, абстрагируя сюжетную схему от конкретного материала, установить единообразие и неизменность сюжетов.

Анализируя в своей статье «Свадебные песни и обычаи» подобранный им из фольклора самых разнообразных народностей и относящийся к свадебным обрядам материал, Лафарг опровергает мнения ученых, выводивших эти песни и обряды из единого географического или расового центра.

«Народная песня, — говорит он, — носит в общем местный характер. Сюжет порой может быть занесен извне, но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто его усыновляет. Песня не может быть навязана, как новая мода на платье. У самых различных и далеких народов находили схожие песни, сказания и обычаи. Ученые предполагают, что они или передавались от народа к народу, или составляли часть их духовного состояния, которым они обладали сообща до своего разделения. — Дикари каменного века в Европе придавали своим ножам, топорам и другим кремневым орудиям совершенно ту же форму, что и туземцы Австралии. Невозможно допустить, чтобы это совпадение основывалось на традиции или заимствовании»⁹. Лафарг доказывает, что совпадение сюжетов целиком обусловлено идентичностью стадий экономического развития народов, тем, что в процессе своего развития они должны были прибегнуть к одинаковому способу производства («Экономический детерминизм Карла Маркса»).

Как известно, выдвинутая индо-европеистами теория единого языкового и фольклорного очага и «бродячих» сюжетов была с радостью извлечена из академических архивов нашими формалистами, которые в момент своего «опоязовского» расцвета подновили эту теорию и пустили ее в литературно-критический оборот. В частности, теория «бездомности», «бродячести» сюжетов и количественного ограничения сюжетных схем и построений находила в свое время горячего защитника в лице В. Шкловского («Ход коня»), пытавшегося этой теорией опровергнуть возможность подхода к фольклору и литературе с историко-материалистической точки зрения.

В свете споров с формалистами вокруг вопросов о сюжете высказывания Лафарга по этому поводу имеют для нас большое значение (они имели бы еще большее значение в разгар борьбы с формалистами, если бы наши литературоведы, вместо того чтобы апеллировать к «авторитету» Трюкко, занялись тогда изучением Лафарга).

Лафарг устанавливает социологическую обусловленность сюжета, но кроме этого Лафарг говорит о том, что нельзя изучать художественное произведение как сюжетную схему вне конкретного социально-бытового и социально-психологического художественного материала, который по этой схеме сконструирован. Решающее и специфическое — именно в этом материале и в его художественно-идеологической обработке, а не в сюжетной схеме, которая в сущности является голой исследовательской абстракцией.

В этюде о «Сафо» Лафарг практически реализует это положение применительно к одному из явлений художественной литературы буржуазии XIX в. С формалистской точки зрения в романе Додэ дело обстоит весьма просто и трафаретно: А любит Б, Б относится к А прохладно; хотя он и увлечен ее любовными чарами, он старается от нее освободиться, нарастает драматическая коллизия, в результате которой А может убить Б, Б может прикончить А или оба могут покончить с собой. Но Додэ сумел «преодолеть стандартное сюжетное разрешение, присущее романам о любовных взаимоотношениях между молодым холостяком и дамой полусвета»¹⁰. Как замечает Н. Рыкова в недавно вышедшем сборнике «Французский реалистический роман»¹⁰, Додэ лишь указал на возможность такого стандартного разрешения в имеющейся в «Сафо» боковой сюжетной линии, закончившейся двойным самоубийством Дешелета и Алисты, заставив основных своих героев — Госсана и Сафо — просто разойтись. Круг сюжетных схем и разрешений с этой точки зрения замкнут и стандартен, как замкнуто и стандартно формалистическое изучение произведения, не идущее дальше констатации сюжетной схемы и методов ее «преодоления» и не способное подвергнуть анализу конкретный жизненный материал самого произведения и, социальные предпосылки, обуславлившие этот материал и его сюжетное разрешение.

Как увидит читатель, в свете лафарговского анализа «обычная» сюжетная схема становится в своем конкретном художественном воплощении «необычной» и своеобразной, отражающей быт, нравы и идеологию буржуазии на данном этапе ее развития. Знаменательно в этом отношении то сопоставление, которое Лафарг делает между романом Додэ и романами Поль де Кока и Эжена Сю, указывая при этом на связанную с общественно-экономической эволюцией историческую эволюцию, которую претерпели

«веселые подружки» молодых буржуа от свободно и бескорыстно любящих гризеток до профессиональных проституток и более изысканных «жриц любви». Схема взаимоотношения молодого буржуазного холостяка и гризетки идентична в своей абстракции схеме взаимоотношений Жана и Сафо. Но по своему существу эти взаимоотношения качественно отличны, как отлично и отношение к своим героям самих писателей.

Большое значение имеет здесь приведенная Лафаргом характеристика «взаимных положений любовника, в итоге которой он восклицает: «Все здесь наоборот!»

Действительно внутри стандартной сюжетной схемы все расположилось «наоборот». В обстановке развития промышленного капитализма, выбросившего веселых гризеток на улицу, создавшего армию профессиональных проституток и секту дорогостоящих квалифицированных кокотов, бескорыстная и любящая «дама полусвета» Сафо оказалась верхом идеала любовницы. Но тем не менее ослепленный любовью Госсэн показан автором как жертва, как человек, стремящийся избавиться от этой идеальной любовницы. И именно в этом своеобразии сюжетной ситуации Лафарг видит закономерность, вытекающую из идеологии того класса, выразителем которого являлся Додэ. Со свойственным ему «цинизмом» Лафарг говорит о том, что разрывавший жертву герой Додэ в конечном счете как бы воплощает характерную тенденцию буржуазии «как можно меньше платить за каждую услугу». Изменение социально-экономической действительности вызвало изменение в отношении к вещам, а вследствие этого и перестановку конкретных движущих страстей в абстрактной стандартной сюжетной схеме.

III

В этюде о «Сафо» Лафарг подвергает одно из произведений Додэ анализу с ограниченной целью: показать лицо буржуазии в ее художественном преломлении и доказать тесную связь самого художника с теми, о ком он пишет и для кого он пишет. Если не считать того, что Лафарг разоблачает Додэ как типичного буржуа и того, что он косвенно называет писателя «эгоистичным животным», этюд не отличается особой политической заостренностью.

Но зато когда «безобидный» Додэ выпустил когти, когда от романов, поучающих буржуа, «как надо жить», он перешел к произведениям, призывающим к борьбе против классового врага — пролетариата, Лафарг написал о нем статью, в которой жестоко осмеял воинствующего обывателя.

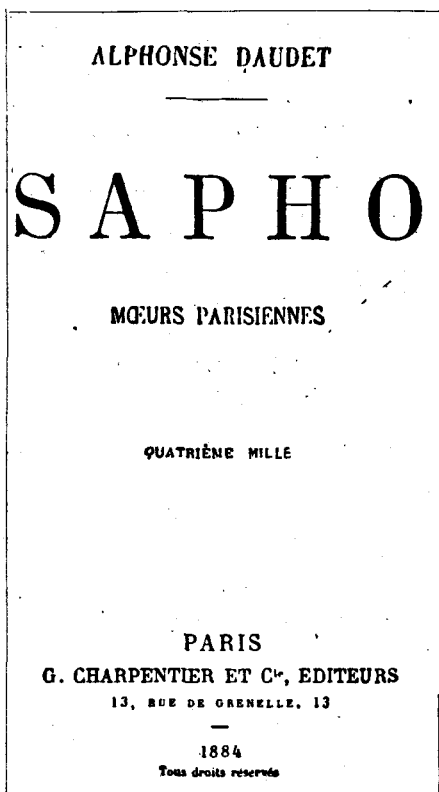
Как мы уже писали в предисловии к статье Лафарга о Золя¹¹, в 80-е и 90-е годы Лафарг ведет большую борьбу не только с анархистами, ренегатами и реформистами, но и с теми буржуазными теоретиками, которые выступали против марксизма как идеологии организовавшегося пролетариата. Особое место занимала здесь борьба с противниками и извратителями теории Дарвина. Наступление на дарвинизм со стороны реакционных представителей буржуазии шло по всему идеологическому фронту. Идея «юга в ногу» со своими историками и теоретиками, пытались выступить с «разоблачением» Дарвина и буржуазные художники. Мы видели, как объективно участвовал в этом наступлении Золя, не понявший Дарвина и заполучивший его из рук Ломброзо. Откликнулся на это наступление Додэ, несмотря на то, что к описанному нами моменту он уже почти отошел от углубленной творческой работы.

В отличие от Золя он как истинный и благородный сын своего класса выступил с открытым забралом и громкозвучающим щитом, на котором значился далеко не двусмысленный девиз «Долой дарвинство!»

В 1889 г. Додэ написал и поставил на сцене пьесу «La lutte pour la vie» («Борьба за существование»), в которой автор задался целью не более и не менее как доказать несостоятельность дарвиновской теории.

Лафарг, ведущий в это время борьбу с извратителями марксизма и с такими «дарвинистами», как Спенсер, Ломброзо и им подобные, повернулся лицом к своему «старому знакомому», бряцающему своим театральным оружием, и увидел, что воевать в сущности не с кем. Перед ним стоял обыватель, опирающийся на бога и полицию и воющий о том, что дарвинисты не признают ни того, ни другого и посему их нужно

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА АЛЬФОНСА ДОДЭ «САФО»

изничтожить. По словам Лафарга, уровень знакомства Додэ с дарвинизмом не стоял при этом выше того, что сообщалось о теории борьбы за существование в иллюстрированных буржуазных журналах.

Но тем не менее Лафарг счел нужным отразить эту вылазку, ибо она была характерной и типичной. В 1890 г. в «Neue Zeit» появляется его статья «Дарвинизм на французской сцене»¹²

Поневоле Лафаргу пришлось иронизировать по поводу беспомощности «инспектора дарвинизма». Но одновременно с этим пришлось указать на то, что те явления и теории, которые выдаются автором пьесы за дарвинизм, не имеют к последнему никакого отношения. Здесь Лафаргу пришлось столкнуться с тем невежеством буржуазных натуралистов и реалистов, о котором он год спустя писал в статье о Золя. Разоблачение непонимания буржуазными романистами процессов, происходящих в обществе, и новейших научных теорий — одна из задач статьи о Додэ. Но здесь невежество и идеологическая ограниченность сочетались с воинствующей вылазкой, с обывательским злопыхательством по отношению к этим научным теориям, развязывающим якобы руки преступным элементам и «оправдывающим всякую подлость». Дарвинизм породил аморализм и преступность — таково утверждение Додэ. И в связи с этим крайне интересно сделанное Лафаргом сопоставление Додэ с Достоевским.

Достоевский более или менее широко стал известен во Франции в 80-е годы. В 1886 г. появилась книга де Вогюэ «Le roman russe», в которой давалась и характеристика «Преступления и наказания»; в конце 80-х годов этот роман Достоевского был переведен на французский язык и произвел большое впечатление в читательских и писательских кругах. По свидетельству Додэ он произвел большое впечатление и на него, тем более что французский писатель разрабатывал аналогичный сюжет.

Но необходимо отметить, что соприкосновение между Достоевским и Додэ идет не только по линии сходства сюжетов «Преступления и наказания» и незаконченного Додэ произведения о Лебье. Их сближает и одинаковое толкование происходящего, и сходные

во многом идеологические тенденции. Лафарг повидимому не был достаточно знаком с творчеством Достоевского и с теми социально-политическими позициями, которые этот писатель занимал, ибо задетый им вопрос о взаимоотношениях Додэ и Достоевского может быть развит и углублен.

Мы знаем, что одной из задач, которые ставил себе Достоевский как художник, был показ того, как распространенные идеи влияют на людей и их нравы. В частности, он внимательно следил за развитием враждебных ему передовых идей шестидесятников и, всячески искажая их, пытался их опорочить. Утилитаризм, проповедываемый шестидесятниками, в его изложении устраняет красоту и нравственность, историзм и дарвинизм превращаются в лозунг «все дозволено». Если сопоставить это с тем, как изображал ненавистный ему дарвинизм и дарвинистов Додэ, то станет понятна та глубокая идеологическая связь, которая, несмотря на различие классовых корней их идеологии, существовала между двумя писателями, и близость тех реакционных позиций, которые оба они занимали¹³.

Статья Лафарга, в которой освещается одна из малоизвестных сторон творчества Додэ и в которой этот идеолог буржуазной обывательщины и художник «маленьких людей» показан в воинствующей реакционной роли, на страже классовых интересов буржуазии, должна не только помочь нашим литературоведам изучить его связь с Достоевским, но и переоценить все творчество автора «Борьбы за существование» в целом.

Статья о «Сафо» переведена с французского Т. К. Фалькович, «Дарвинизм на французской сцене» — с немецкого А. З. Лежневым.

В. Гоффеншефер

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сочинения, т. III, стр. 325.

² «Летописи марксизма», кн. II, стр. 109.

³ См. «Литературное Наследство» № 2, стр. 17.

⁴ «Из писем Лафарга к Николаю-ону». Письмо от 15 авг. 1885 г. «Летописи марксизма», кн. II, стр. 110.

⁵ «La Revue Socialiste» 1891, № 78, p. 698.

⁶ См. отповедь, которую дал этим «товарищам» Лафарг в «Экономическом детерминизме Карла Маркса» (Сочинения, т. III, стр. 14).

⁷ Сочинения, т. III, стр. 285; то же положение Лафарг высказывает и в «Легенде о Викторе Гюго».

⁸ «Легенда о Викторе Гюго», Сочинения, т. III, стр. 318. Необходимо указать здесь на то, что в цитируемом здесь переводе слово representative неправильно пояснено специфически звучащим на русском языке выражением «представительный человек».

⁹ «Les chansons et les cérémonies populaires du mariage», La «Nouvelle Revue», t. 43 (Novembre-Décembre 1886), p. 317. Статья подписана псевдонимом: Fergus. Объясняя, почему он подписывает в «Nouvelle Revue» свои статьи псевдонимом Fergus, Лафарг пишет в 1890 г. Николаю-ону: «Мадам Адан, редактор журнала, боялась, что мое имя повредит мне в глазах читателей. Это очень странно, но это факт» («Летописи марксизма», кн. II, стр. 116). Нельзя не отметить, что издательница «Nouvelle Revue», мадам Адан, была по свидетельству Георга Брандеса большой приятельницей Альфонса Додэ (см. статью «Альфонс Додэ» в собр. соч. Георга Брандеса, изд. Фукс, Киев, 1902, т. XII, стр. 139).

Возможно, что буржуазная издательница «сочла неудобным» печатать имя Лафарга не только из-за того, что последнее принадлежало видному представителю непримиримого революционного марксизма, но и потому, что Лафарг «скемпрометировал» себя в ее глазах резкими выступлениями против ряда писателей, сотрудничавших в журнале и близких редактору. Характерно, что статья под псевдонимом Fergus появилась после напечатания в «Le Socialiste» этюда Лафарга о «Сафо».

¹⁰ «Французский реалистический роман XIX века». Сб. ст. под ред. В. А. Десницкого, ГИХЛ, Ленинград, 1932, стр. 196.

¹¹ «Литературное Наследство» № 2.

¹² «Der Darwinismus auf der französischen Bühne», «Neue Zeit» 1890. Статья подписана псевдонимом Pablo. Принадлежность статьи Лафаргу подтверждает Adolf Braun в статье «Lafargue» (см. «Der Kampf», Wien, 1911, S. 132).

¹³ Необходимо кстати отметить здесь как характерный факт, что единственной русской газетой, в которой сотрудничал Додэ, было суворинское «Новое Время».

«С А Ф О»

Роман Додэ имел огромный успех: тысячи экземпляров книжки были расхвачены; когда сюжет ее был переделан для сцены, театры переполнились. Ее хвалили, обсуждали и благосклонно критиковали в прессе. Писатели, когда у них об этом заходит речь, с завистью и удивлением называют сумму, полученную автором за роман. Денежный успех — для буржуазии высшая форма славы, современные художники и писатели предпочитают его всему другому. Золя в одной из своих критических статей избрал мерилом литературной ценности романа число его изданий, т. е. количество положенных в карман пятифранковых монет. Этот взгляд разделяет вся промышленная и торговая буржуазия; она объявила Виктора Гюго величайшим поэтом прошлого и современного; и действительно он умер обладателем пяти миллионов.

В прежнее время, когда не было еще категории покупателей книг, писатели, даже гениальные, были бедняками, жившими милостями вельмож и королей, что им однако не мешало умирать нищими. Многие из них стали прислужниками знатных господ; они ели за их столом, писали для них письма и любовные стихи, сочиняли для них мадригалы. Дворяне имели своих поэтов и мыслителей, которые со вкусом наряжали их мысль, подобно тому как их камердинеры заботились об их туалете.

В наше время существуют покупатели книг. Как только французская буржуазия освободилась от террора якобинцев, она набросилась на романы; казалось невозможным насытить ее голод; ежедневно в Пале-Рояле, носившем тогда название Пале-Эгалите, появлялось несколько новых романов в два-четыре тома. В те времена бесчисленное количество романов производилось на свет женщинами; у мужчин не было времени для писательства, они были целиком заняты политикой, войной, колебаниями биржи, грабежом национальных имуществ. Роман — характерная литературная форма буржуазии, он вместе с ней возник, вместе с ней развивался. Таков исторический факт; исследованием его причины я в этой статье заниматься не буду.

Буржуазия и ее слуги, швейцары и кухарки, составляют большую часть покупателей романов. Необходимо кстати отметить, — не распространяясь однако по этому поводу, — что в больших городах образовался круг читателей особого рода романов, наполненных преступлениями, полицейскими приключениями, драматическими и фантастическими перипетиями. Буржуазия поощряет развитие этой тупоумной и разлагающей литературы потому, что она овладевает народным сознанием, усыпляет его и, подобно политическим фокусам буржуазного радикализма, отвлекает народ от осознания своих подлинных классовых интересов. «Сафо» Додэ нашла своих читателей и покупателей не среди этого рода публики, а в кругах тех буржуа, которые кое-что смыслят в литературе и важничают своим пристрастием к психологическим этюдам.

Додэ изготовил для них подходящее литературное кушанье; он подал им психологический этюд, отвечающий их вкусам и умственным способностям. «Сафо» составлена из нескольких отдельных кусков, плохо прилаженных и плохо склеенных, и напоминает те манекены с подвижными частями, которых художники и скульпторы одевают, придавая им героические позы. Книга приобретает притягательную силу благодаря эпизодическим персонажам, благодаря историйкам из жизни любовниц этих господ; детали, выхваченные из жизни, воспроизведены с шаловливым, но манерным и утонченным искусством. Роман понравился буржуазии; она требует, чтобы ее развлекали пикантными, умело рассказанными сплетнями, чтобы не затрагивали ее предрассудков и потворствовали бы ее инстинктам, чувствам и склонностям. Додэ блестяще разрешил последнюю

часть этой задачи, поставленной перед каждым писателем буржуазии: немного найдется книг, более буржуазных, чем «Сафо».

Французский буржуа — существо благоразумное, он редко дает увлечь себя своим страстям; он женится после тридцати лет, чтобы «остепениться», как он выражается, если ему не подвернется раньше заманчивое приданое, хорошая денежная афера: в этом случае он приносит свою молодость в жертву своей жене. Иначе же, так как он не давал обета целомудрия и не предается тайным порокам или пьянству, как английский буржуазный юнец, он развлекается с девушками легкого поведения. В давно прошедшие времена Поль де Кока и Евгения Сю существовал класс работников, трудолюбивых, достаточно зарабатывающих на жизнь иглой, но это были задорные создания, подруги удовольствия, с открытым сердцем, смело принимавшие день таким, как он есть и также своих возлюбленных — на прогулке в лодке в Сент-Уэне, за обедом в Пале-Рояле, на вечеринке в Амбигу. Эта веселая и довольствующаяся малым гризетка умерла и схоронена, погубленная скряжнической эксплуатацией больших модных магазинов и мастерских и легальной и нелегальной проституцией.

Современный молодой буржуа, к великому неудовольствию своего отца и других более или менее близких родственников, должен расходовать много денег, чтобы убить время между началом зрелости и браком. Он не находит больше гризеток, которые отдаются ради удовольствия, поэтому он принужден довольствоваться теми печальными созданиями, которых нужда и погоня за наживой их отцов и дядей заставляет продаваться, чтобы существовать. Если он обладает утонченным рыцарским вкусом, он не выберет женщину, пропустившую улицу через свою постель! Но теперешняя любовница не довольствуется пирожным и печеньем; если уж она залучила буржуазного сынка, она требует шелков, мехов и палисандрового дерева. Она стоит дорого, и это пугает буржуа. Поэтому образуются анонимные общества, чтобы содержать женщину согласно требованиям современности. Кокотка отдается одному во вторник, другому — в субботу; этому — после обеда, тому — ночью. Случается, что молодой буржуа — участник такого хозяйства на паях — приобретает больше, чем ожидает; как сказал старый Матюрен Ренье: «Он дает рыбу, а получает приправу».

Идеал буржуа в том, чтобы найти женщину, которая гарантировала бы его от ударов Венеры, мало бы стоила и которую затем можно было бы выбросить, как выжатый лимон.

Герою романа Додэ посчастливилось встретить женщину, отвечающую всем этим условиям идеала буржуазии. Он моментально привязывается к ней. Сафо любит вьющиеся волосы, и она влюбляется в Госсэна — незначительного пустого парня. Далекая от того, чтобы вводить его в издержки, она устраивает ему тихое гнездышко; она дает ему лучшие радости алькова, так что ему не нужно тратить время и деньги в беготне за юбками; она выручает его дядю из затруднительного положения, ссудив ему десять тысяч франков, заработанных чорт знает каким образом; она исчезает сама, не угрожая отравой или револьвером, как раз в тот момент, когда молодой буржуа начинает официальную карьеру и становится претендентом на порядочное приданое.

Дюма — не отец, а сын — говорит в одном из своих предисловий, пошлость которых превзойдена только их длиной, что трудно, если не невозможно, вывести на сцену отношения между мужчиной и женщиной, в действительности существующие в «свете», не оскорбив стыдливости тех дам, у которых уши — единственный их целомудренный орган. Если на сцене надо смягчать краски и идеализировать действительность, чтобы не оскорбить явных и тайных кокоток из общества г-на Дюма, то и в романах надо бережно обращаться с чувствами буржуазии. Додэ не решался,

объявившись смелым психологом, вскрыть череп буржуа и грубо выставить напоказ его идеал любовницы; прежде всего уже потому, что он сам слишком глубоко буржуазен для того, чтобы выводить этот идеал, который в сущности является и его собственным идеалом, не смягчая краски.

Сафо, дочь радости, совращенная сбродом из «хорошего общества», дарит своему любовнику свою любовь и многое другое только ради удовольствия, которое она получает; она ничего не требует за это, даже признательности. Госсэн, любовник, который спокойно откармливается, как бык в стойле, в этой своей незаконной семье, позволяет себя баловать и отвечает лишь вялой любовью; он плачется перед Сафо о радостях, которые быт может он нашел бы в другом месте, впадает в отчаяние, что упустил женитьбу, слишком романтическую для того, чтобы быть просто бессовестным обманом, и наконец попрекает ее гневом своего отца, нелепого до того, что из него стоило бы сделать чучело, настолько он устарел и отстал от модных буржуазных воззрений. Все здесь наоборот!

Но как раз этот обмен ролями понравился буржуазии. Одна из благородных страстей буржуазной души заключается в том, чтобы как можно меньше платить за каждую услугу. Буржуа любит в молодости развлекаться с женщинами, но он ужасно боится, что женщины, с которыми он жил и которых он оставляет при первой возможности, могут когда-нибудь притти к нему и умолять о помощи. Поэтому он еще до расставания разыгрывает из себя мученика; он рассказывает тем, кто имел несчастье с ним связаться, что, пользуясь их благосклонностью, он приносит себя в жертву, что он заслуживает награды как Альфонс; он предупредительно платит им издевательством.

Додэ мог бы с согласия всех честных буржуа посвятить этот роман своим детям. Знакомый художник, буржуа с головы до пят, сказал мне: «Я мечтаю о Сафо для себя, чтобы дожидаться своего третьего десятка».

В прошлом столетии кавалер Дегрие воспыла любовью к Манон Леско; чтобы следовать за ней, разделить ее судьбу, он, не колеблясь, выбросил за борт общественные приличия, семью, будущность и от прелестной девушки просил только любви. Дворянин способен был забыть свою личную выгоду, буржуа же настолько эгоистичное животное, что он и представить себе не может, что от него можно ожидать поступка, противоречащего его интересам.

ДАРВИНИЗМ НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЕ

«В какое ничтожество мы превращаемся, Горацио!»

Г а м л е т

Бедный Дарвин! Если бы он был еще жив, он бы не пришел в особый восторг от последствий своей известности. Французы клеймят его как родоначальника «нового вида хищников, пользующихся пресловутым открытием борьбы за существование для оправдания наукой любой подлости»... «В своем применении, — говорит Додэ, — теории Дарвина вредны, так как они пробуждают в человеке зверя, и четвероное животное, выучившееся стоять прямо, снова начинает ходить на четвереньках».

Люди, высказывающие такие смелые утверждения со сцены и вне ее, — вовсе не дураки или ничтожества, но лица с весом и талантом. И делают они это не из любви к парадоксам и не для того, чтобы подразнить обывателя. Эти поразительные истины были возведены ими недавно с полной серьезностью и громовым пафосом. Горе научной теории, проникающей в ограниченное сознание современного беллетриста и журналиста!

Наши литераторы узнали о дарвиновском законе борьбы за существование не из произведений великого естествоиспытателя. Они не привыкли

к такому умственному труду. Нет, они просто вычитали кое-что об этом в каком-нибудь иллюстрированном журнале.

Лет десять назад в Париже была убита одна старая молочница. Убийство сопровождалось такими своеобразными обстоятельствами, что произвело глубокое впечатление и о нем вспоминают еще и теперь. Открытие убийцы произошло чрезвычайно странным образом. К следователю явился некий Баррэ, молодой человек, состоявший в деловых отношениях со старухой, предложил ему свои услуги при расследовании, сообщил добровольно ряд подробностей о привычках и обстоятельствах жизни убитой и о бумагах, в которых она держала свое с трудом сколоченное состояние (10 000 франков). Он несколько раз встречался со следователем, который благодарил его за готовность помочь розыскам преступника. Случилось однажды, что следователь, провожая уходившего от него Баррэ, обратился к нему с вопросом: «Вы прежде носили бороду, господин Баррэ?» При этом простом замечании Баррэ стал дрожать и сделался смертельно бледным. Следователь положил тотчас же руку на его плечо и воскликнул: «Вот убийца!»

Баррэ, потерявший самообладание, признался, что преступление совершил он и его друг Лебье, студент-медик. Оба убийцы были интеллигентные и образованные молодые люди в возрасте 24—25 лет. Лебье считался одним из лучших студентов медицинского факультета в Париже. Когда его профессор, д-р Вульпиан, и его товарищи слышали о его аресте, они были уверены, что произошла грубая ошибка. Несколько дней спустя после убийства Лебье сделал доклад о дарвинизме и старался разъяснить теорию борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных.

Когда Лебье узнал, что он выдан сообщником, он не стал отрицать свое преступление, но дал следующее объяснение: молочница передала 10 000 франков своему другу Баррэ, который деньги растратил, вместо того, чтобы купить на них ценные бумаги. Деньги могли каждую минуту затребовать, и Баррэ, который не был в состоянии их вернуть, находился под угрозой обвинения по делу о нарушении доверия. Лебье видел, что поставлена дилемма: или гибель его друга, многообещающего молодого человека, или смерть незначительной и бесполезной старухи. Он ни минуты не сомневался, какое решение выбрать, убил старуху и разрезал ее тело по всем правилам анатомии, чтобы его легче было уничтожить.

Это убийство произвело сенсацию. Лебье не был озверелым убийцей, уничтожающим все, что ему становилось поперек дороги; он был холодным, рассудительным человеком, продумавшим свой план, последовательно его проводившим и подкрепившим его научной теорией. Он умер мужественно. Баррэ пришлось нести к эшафоту, а Лебье твердым шагом поднялся на его ступени. Когда он просунул голову в отверстие гильотины и топор должен был уже упасть, кто-то из толпы крикнул: «Браво, Лебье!» Он поднял голову и, направив взгляд в ту сторону, откуда прозвучал голос, сказал отчетливо: «Прощайте!»

Это убийство послужило поводом к оживленным спорам. Для противников дарвинизма оно явилось просто находкой. Они были многочисленны, занимали видное положение и поспешили использовать такой удобный случай для нападков на теорию, защитником которой выступал Лебье. Некоторые круги свободомыслящих готовы отнести за счет религии все преступления, которые совершаются религиозно настроенными людьми. Люди благочестивые ответили теперь тем же и обвинили новую теорию в том, что она является школой преступления. Они были ревностно подержаны учеными, ненавидевшими Дарвина как революционера в области науки, заслуживающего не лучшей участи, чем революционеры Парижской коммуны. Один архиепископ, если не ошибаюсь, монсеньор Дю-

панлу, зашел так далеко, что потребовал помилования Лебье на том основании, что последний является жертвой дарвиновской теории, и общество обязано дать ему время раскаяться и искупить свои грехи.

Хотя теория эволюции возникла во Франции, — Геккель и немецкие дарвинисты признали, независимо от французов, крупные заслуги Бюффона, Ламарка и Жофруа де Сент-Илера, которые англичанами сознательно игнорировались, — тем не менее именно во Франции признание этой теории наталкивалось на величайшие трудности. Французская наука как будто стыдилась своего отпрыска, усыновленного и воспитанного Англией. Старые мумифицированные академики во главе с восьмидесятилетним Флурансом объявили происхождению видов войну; животные и растения были, по их мнению, сотворены именно в том виде, в каком они существуют и теперь и в каком будут существовать до скончания веков. Понадобилось Геккелю приехать из Германии в Париж, собрать молодежь, примкнувшую к учению об эволюции, и зажечь ее огнем энтузиазма. С тех пор Флуранс и много других старых академиков успели умереть и на смену им пришло поколение более молодых и смелых естествоиспытателей; но победа над официальной наукой достигнута еще не вполне. Так например, д-р Жиар, прославившийся своими многочисленными научными открытиями, должен был долго дожидаться избрания профессором при парижском музее, так как он являлся сторонником эволюции.

Французские писатели любят, правда, насмехаться над Академией и ее устарелыми взглядами; но никто не проявляет такой готовности приспособиться к предрассудкам прошлого и преклониться пред Академией и теми предписаниями, которые она дает современному мышлению, как они. Я должен прибавить, что «хорошее общество» разделяет с писателями, на обязанности которых лежит приготовление для него духовной пищи, этот недостаток самостоятельности и преклонение пред официальным мнением.

Убийство старой молочницы сделало дарвиновскую теорию популярной в среде журналистов и беллетристов, отличающихся во Франции — как и повсюду — невежеством и недостатком основательного образования. В числе тех, которые именно тогда ознакомились с теорией борьбы за существование, находился также Додэ; конечно он, подобно своим коллегам, представлял себе дело значительно проще и яснее, чем Дарвин. «На свет рождается больше индивидуумов, чем их может существовать. Поэтому — или вы уберете меня с дороги, или я вас». Тут пред нами вся дарвиновская теория в наперстке, дарвинизм по Додэ: эту милую фразу произносит в его пьесе некий ученый муж. В предисловии к своей «Борьбе за существование» Додэ рассказывает, как он начал писать книгу, представлявшую собой наполовину вымысел, наполовину изображение действительно случившегося, под названием «Лебье и Баррэ, два молодых француза нашего времени». Он уже два месяца работал над ней, когда появился французский перевод великолепного романа Достоевского «Преступление и наказание». Лебье русского романиста носит имя Раскольников; он обдумывает свое преступление; он убивает одинокую женщину, черствую ростовщицу, деньги которой сеют нищету и горе в то время, как они могли бы принести счастье и здоровье его любимым матери и сестре. Вместо того чтобы читать доклад о борьбе за существование, как Лебье, Раскольников пишет статью о праве убивать, где философски доказывает, что позволительно освобождать мир от людей, приносящих лишь вред.

Додэ понял, что соревнование с болезненным гением Достоевского, обладающего недостижимым даром психологического анализа, для него невозможно, и бросил свой исторический роман. Но идея борьбы за существование показалась ему слишком интересной, чтобы он мог решиться оставить ее; он использовал первую же возможность ее драматизировать,

и третьего октября прошлого года была поставлена в парижском театре «Gymnase dramatique», драма в пяти актах и шести картинах, написанная Альфонсом Додэ под названием «Борьба за существование».

Додэ — не драматург по профессии. Только в последнее время обратился он к сцене, обнаружив при этом известную ловкость; надо, конечно, знать, что его пьеса имеет ряд достоинств; она заключает в себе драматические ситуации, и образ Мари-Анто обрисован тонко.

Сын академика Поль Астье — архитектор, начинающий становиться известным. Он реставрирует старый дворец и попутно завоевывает руку и сердце его обладательницы, герцогини Падуанской (Мари-Анто), которая очень богата, но зато перешагнула за пятый десяток; Астье, напротив того, молод, алчен, одержим жадной стяжания. «Дарвин — его любимый автор», но, подобно Додэ, он нашел в «Происхождении видов» лишь неверный закон о народонаселении попу Мальтуса. «Индивидуумов рождается больше, чем сколько может найти средства к существованию». Отсюда следует, что часть людей должна голодать для того, чтобы другие были в состоянии жить с комфортом. Астье — вполне логично — предпочитает жизнь с комфортом; его жизненное правило гласит: «Сильные пожирают слабых». Лукавый Тичборн, хотя и был не очень умен, выразился удачнее. «Мир, — писал он на плохом английском языке в своей записной книжке, — состоит из двух родов людей — дураков и обманщиков; последние живут за счет первых».

Астье питает честолюбивую мечту сделаться премьер-министром. Он уже член парламента и важная персона, к мнению которой прислушиваются. Но в течение двух лет он проматывает состояние герцогини и близок к полному разорению. Он хочет развестись со своей женой для того, чтобы жениться на совсем молодой девушке еврейке. Брак он рассматривает лишь как путь к устройству карьеры, а женщин — как ступени, по которым он поднимается к цели. Он устраивает дело так ловко, что ревнивая Мари-Анто застаёт его в своем собственном доме на месте преступления: за нарушением супружеской верности. Но герцогиня — добрая католичка и рассматривает развод как грех и позор; она довольствуется тем, что увольняет девушку, с которой сошелся Астье, одну из своих служанок, и уезжает в деревню. Астье следует за ней туда, разыгрывает комедию раскаяния и любви, добивается прощения и увозит ее назад в Париж, где надеется добиться ее согласия на развод. Но время уходит, молодая еврейка становится нетерпеливой и грозит покинуть его, а вместе с ней уплывет и богатство. Астье старается ускорить развязку. Во время бала он дает своей жене стакан отравленной воды, но — охваченный ужасом — удерживает ее руку, когда она собирается поднести стакан к губам. Герцогиня угадывает его намерение и, так как считает его способным на преступление, соглашается на развод, чтобы избавить его от искушения. Сцены между Астье и Мари-Анто очень хороши. В последней сцене отец девушки стреляет в Астье как раз в тот момент, когда тот находится на вершине счастья и собирается жениться на еврейке, которая должна его снова сделать миллионером.

Додэ убивает Астье, потому что он, Додэ, — так он пишет в предисловии, — хороший человек и не терпит дурных людей с тех пор, как перестал быть личным секретарем герцога де Морни, одного из величайших мерзавцев бонапартистской клики. И свою пьесу он написал для того, чтобы показать свое отвращение к сторонникам борьбы за существование, *strugglifers*, как он их называет на своеобразном английском языке, к «дарвинистам с головы до пят, свободным от предрассудков и сомнений, от веры в бога и страха перед полицией».

Пренебрежительное отношение дарвинистов к полиции, этой последней опоре нравственности, представляет собой второе великое открытие Додэ.

Он возводит дарвинистов к Беркли, шотландскому философу, сомневавшемуся, дают ли нам наши чувства правильное представление о внешнем мире, и рассматривавшему дух как нечто нематериальное, не способное получать какое-либо представление о материальных вещах, вследствие чего он заявлял, будто внешний мир в действительности вовсе не существует. Отсюда Додэ последовательно заключает, что для дарвиниста полицейский является не действительностью, а простым представлением.

Нам кажется невероятным, как это писатели калибра Додэ могут с серьезным видом делать Дарвина и его теорию ответственными за Лебье, Баррэ и других хищников, орудующих в нашем обществе. До появления «Происхождения видов» мы, видите ли, жили в обществе, не знакомом с воровством и разбоем; и если бы эта книга никогда не вышла в свет, то мы бы так и продолжали жить в обществе, в котором люди находят выгоду не в эксплуатации ближнего, а в покровительстве ему. Доктора и аптекари не желали бы в интересах своего заработка, чтобы чахотка и горячка процветали, а проломленные черепа и сломанные конечности встречались возможно чаще; наследники не ожидали бы нетерпеливо смерти своих дорогих родных; финансисты совестились бы наполнять свои нестерпаемые шкафы добычей, отнятой у своих коллег по бирже; купцы и фабриканты не разоряли бы друг друга бешеной конкуренцией, капиталисты не извлекали бы жирных барышей посредством голодной заработной платы, если бы Дарвин не написал этой опасной книги!

Додэ не видит, что не теории, а наши общественные условия неизбежно создают конкуренцию и ее последствия. Конечно беспощадная экономическая борьба всех против всех не является следствием дарвиновских теорий, скорее сами дарвиновские теории являются следствием приложения законов современной конкуренции к жизни животных и растений: Дарвин сам заявил, что первым толчком к выработке его учения послужила теория Мальтуса о народонаселении.

Мы ужасаемся, когда читаем о преступлениях вроде тех, что совершил Лебье или другие убийцы, и остаемся равнодушны при виде жестокостей, ежедневно порождаемых конкуренцией. Как незначительны убийства, предстоящие перед судом, в сравнении с массовыми отравлениями, которые влечет за собой фальсификация продуктов! Приблизительно в то же время, как Лебье и Баррэ убили молочницу, пред судом в Лондоне предстал фабрикант, который примешивал к присыпке для детей мышьяк и другие ядовитые вещества. Были продемонстрированы пакеты с порошком, содержавшим мышьяк; было доказано, что им были отравлены грудные дети, и все-таки присяжные заседатели нашли, что обвиняемый невинен: он только следовал законам конкуренции.

В этой атмосфере конкуренции мы живем с колыбели до гроба: именно эта жестокая действительность, а не научные теории и религиозные воззрения формирует человеческую глину, заостряет жало эгоизма и превращает его во всемогущую страсть. Удивляться следует не тому, что при подобных условиях число преступлений увеличивается, а тому, что, оно увеличивается так медленно. Но современное развитие, которое заставляет расти конкуренцию все сильнее и беспощаднее, которое все больше содействует огрубению характера и усиливает жажду стяжания, — это развитие притупляет, с другой стороны, животные страсти, делает человека малокровным и бессильным; из необузданных зверей создает оно расчетливых, осторожных людей, которые стараются достичь великой цели современной цивилизации — богатства — не насилием, не убийством, но законными, хотя порой не менее жестокими путями. Поступки вроде тех, что совершены Лебье и Астье, не только не являются следствием какой-нибудь теории современной науки, но они даже не характеризуют современность.